

В.В. Чепарухин

П. Б. СТРУВЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Представители рода Струве оказали серьезное влияние на нашу историю, органически войдя в состав интеллектуальной и управленческой элиты России XIX-XX вв., среди них Петр Бернгардович Струве — звезда первой величины. «Он был бесспорно самой выдающейся личностью русской общественной и научной мысли последних лет XIX века и первых десятилетий XX-го века».¹

Одна из линий весьма разветвленного немецкого рода Струве обособилась в России в начале XIX в.² Старинное протестантское семейство из Шлезвиг-Гольштейна прославил математик Якоб Струве (1755-1841). Его сын Вильгельм Якоб (1793-1864) с молодых лет связал свою судьбу с Россией, где его стали называть Василием Яковлевичем. Окончил Дерптский университет, профессорствовал в нем, оснастил астрономическую обсерваторию в Дерпте первоклассными инструментами. Завоевал репутацию одного из лучших астрономов Европы, стал создателем и первым директором Пулковской обсерватории (1839). Сын Василия Яковлевича, Отто Васильевич, наследовал его дело и стал вторым директором Пулковской обсерватории. Эти знаменитые астрономы были соответственно родной дед и родной дядя Петра Бернгардовича. Многодетность была традиционной в семье П. Б. Струве: у него было пять братьев (Василий, Николай, Федор, Александр и Михаил) и пять собственных детей. Этнические немецкие корни П. Б. Струве прослеживаются и по линии его матери, прибалтийской немки баронессы А. Ф. Розен.

Включенность П. Б. Струве в немецкую культуру была естественной. Из первых 35 лет своей жизни он провел непосредственно в Германии не менее 10 лет — периоды учебы в школе (Штутгарт с 7 до 12 лет) и в университете в Граце, когда закладывались и формировались основы его

личности, а также годы первой эмиграции. И в то же время именно атмосфера семьи, круг ее интересов и связей сформировали Струве как русского националиста и западника, этатиста и демократа, типичного представителя русской интеллигенции и патриота-монархиста. Он стал образцовым русским в привязанностях, стиле жизни, самоощущении, привычках. Более того, он прошел через славянофильство и панславистские увлечения, первой его любовью в мире идей были славянофилы и особенно, по его собственному утверждению, Иван Аксаков.³ Самый известный исследователь жизни и творчества П. Б. Струве Ричард Пайпс назвал Аксакова ключом к политической мысли Струве.

П. Б. Струве «всегда, во всех обстоятельствах, оставался верен своим ...убеждениям, не отказывался от своих... устоев миропонимания, сложившихся у него как у личности, сформировавшейся очень рано. Этот тип мышления был принципиально открытым и для его оппонентов с догматическим типом ментальности был неприемлемым и чуждым».³ Его приход к марксизму обусловлен скорее этическими причинами. Кроме того, марксизм конца 90-х гг. был, по словам Н. Бердяева, несомненно, «процессом европеизации русской интеллигенции, приобщения ее к западным течениям, выходом ее на большой простор». Именно на русской почве марксизм Маркса и Энгельса превратился в марксизм «критический», «легальный», т.е. в обычном научном толковании эволюционный, безусловным лидером которого был П. Б. Струве. Идеи его имели плодотворное значение для германской социал-демократии, «взнявшей на вооружение концепцию этического социализма и постепенно из антисистемной силы превратившейся в силу системообразующую».³ П. Б. Струве был автором ряда немецких статей и пользовался уважением в среде немецких социал-демократов.

В литературе знаменитым его сделала книга «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии

России» (1894), вышедшая одновременно с книгой Г. В. Плеханова, в то время эмигранта.

Вернувшись в Россию после выхода Манифеста 17 октября 1905 года, он включается в политическую деятельность. Следует учесть, что предложение вернуться из эмиграции и принять участие в строительстве новой России было сделано ему автором Манифеста С. Ю. Витте. Начинает редактировать «Полярную звезду», становится членом ЦК КДП, депутатом II Гос. Думы (1907), где преимущественно работал в финансовой и бюджетной комиссиях, не ораторствовал. Но уже с 1906 г. он практически отходит от активной, напряженной политической деятельности (в КДП в том числе). Становится преподавателем, штатным доцентом, затем профессором Санкт-Петербургского политехнического института, редактирует «Русскую мысль».⁴¹⁵

Именно работа в Политехническом институте, этом «крупном достижении русской культуры начала XX века», была наиболее эффективным спокойным и счастливым периодом его жизни. Интересно высказывание Петра Бернгардовича о Политехническом институте: «СПб Политехнический институт возник на гребне хозяйственных успехов России на рубеже XIX-XX вв. и сам стал фактором этого развития... Он стал специальной и первоклассной по своим качествам школой государственных чиновников. В этом отношении в лице экономического отделения нашего Политехнического института новая Императорская Россия эпохи Николая II создала учреждение, аналогичное для прежних эпох Императорским Александровскому Лицею и Училищу правоведения и (учитывая короткий срок существования Института)... могущее по своему историческому значению смело быть поставленным рядом с названными привилегированными учреждениями старой Императорской России? Высокой репутации Политехнического института в большой мере, наряду с замечательной плеядой столичной либеральной профессуры, способствовал и П. Б. Струве.

О значении института в его собственной судьбе П. Б.

Струве сказал: «Позвольте ...сделать личное признание. Моя преподавательская деятельность не могла бы вообще осуществиться, если бы меня в свое время не подхватил благожелательный взгляд ...А. С. Посникова, М. М. Ковалевского, А. А. Чупрова ...А без моей преподавательской работы большая часть и моей научной работы не была бы произведена. Вот почему я лично чувствую себя не то что питомцем, но более того, прямо созданием Политехнического института. И вы понимаете, какие чувства к Институту рождает и поддерживает во мне это ощущение».

В атмосфере близких отношений, сложившихся здесь между студентами и преподавателями, необычных для традиционных учебных заведений, никто из профессоров не посвящал столько времени студентам, сколько Струве. «Всегда бурливший П. Б. С. и Нина Александровна носились с чужими им студентами-техниками ...в итоге этого общения в институте создалось студенческое издательство «Народ и свобода», где под редакцией Струве, Гессена, Фридмана студенты составляли популярные брошюры общеобразовательного характера».⁶

Как личность, как тип ученого-исследователя он был совершенно уникален. Видная деятельница кадетской партии А. В. Тыркова-Вильямс отмечала, что «он первый находил объяснение, оправдание, выражение для еще не оформившихся изменений в общественных настроениях, облекал их в слова, часто очень очень убедительные и острые, как лозунги».

Знания Петра Бернгардовича были энциклопедичны и буквально безграничны, при этом он не подавлял слушателей (студентов) своим превосходством, а щедро делился этими огромными знаниями со всеми, кто с ним соприкасался. Внимательно выслушивал студентов, беседовал с ними как с равными и затем, не указывая на их необоснованные или даже абсурдные соображения, излагал свою точку зрения. «Эти практические занятия были лабораторией экономического мышления. Казалось, он находил особое удовольствие в таком общении с молодыми экономистами, никогда не показывал, что мы «надоели» ему, что он устал от наших ребяческих разговоров. Если не хватало установленного для занятий времени, он продолжал их где-

нибудь в другом месте». Его лекции отличались глубоким смыслом, знанием предмета и большим количеством афоризмов. П. Б. Струве — «блестящий импровизатор-мыслитель, творец новых понятий, облеченных в ясную и четкую словесную форму».⁷ Незаменимым был в качестве руководителя научного семинара.

П. Б. Струве постоянно становился объектом для карикатур, шуточных фельетонов в стихах («Лирические портреты» и т. п.) в институтской печати и вне ее. «Анекдотически рассеян, от мира зримого далек, карикатурами осмеян и вкривь, и вкось, и поперек. Идет, вперивши очи в землю, теребит злато бороды, прохожие сие приемлют, раскрыв испуганные рты»). О его рассеянности во время лекций ходили анекдоты, возможно, несколько приукрашенные фантазией, но содержавшие и долю истины.

Обладая редким даром научной интуиции, он, однако, остерегался сам и внушал студентам не делать поспешных обобщений, учил, что основой всякого научного труда должно быть детальное и критическое изучение фактов: «там, где высшая школа правильно организована и где ее личный преподавательский состав стоит на известной высоте, преподавание науки всегда тесно связано с научным исследованием. Политехнический институт явился научной школой не только как учреждение, в котором учили, но и как учреждение, в котором научно работали... Его руководители и основатели повсюду искали и подхватывали научные силы и предоставляли им широкую возможность и наилучшие условия научной работы. Ученые силы Политехнический институт не только поощрял, он их взращивал».⁶ Годы работы в институте были для него временем размышлений, выработки позиции на будущее. Он задумал книгу, в которой хотел «подвести итоги нашего культурного и политического развития и дать оценку пережитой нами революцией». набросок к главе этой так и ненаписанной книги под названием «Интеллигенция и революция» вошел в сборник «Вехи» (1909). В этой программной работе Струве «формулирует новое видение исторического процесса в России и исследует поведение главных действующих лиц — интеллигенции, народа, власти».³ В 1908

г. он становится доцентом кафедры политической экономии Санкт-Петербургского политехнического института, преподает также на Бестужевских курсах. В 1908-1912 гг. выезжал в зарубежные командировки.

В 1911 г. его публицистические статьи за пять лет выходят отдельным сборником под названием «Patriotica», чем восстановил против себя «прогрессивные» круги русского общества. Он был искренним русским патриотом (как и многие немцы в России) и в политической борьбе отказывался пользоваться какими-либо сомнительными средствами.

В 1913 г. на звание магистра защищена в Московском университете диссертация «Хозяйство и цена» (ч. 1). Неодобрительно относился к двухступенчатой системе присвоения ученых степеней, принятой в российской науке, предпочитая ей германскую.

15 января 1914 г. П. Б. Струве единогласно избран Советом института по кафедре политической экономии экстраординарным профессором. Из представленного в Совет отзыва следует, что «П. Б. С. является одним из выдающихся представителей современной экономической науки... целый ряд работ его посвящен выдвигаемым жизнью вопросам хозяйственной политики... останавливал свое внимание на выяснении общих положений теории социальной науки... Труды Струве характеризуются широтой философской культуры, оригинальностью и глубиной мысли, обширной и разносторонней эрудицией... труды по истории хозяйственного быта имеют крупное научное значение. Значительный научный интерес представляют исследования Струве по истории экономической мысли, в особенности марксизма, пользующиеся известностью и за пределами России. ...В лице П. Б. С. институт приобретает крупного ученого, уже в течение 20 лет обогащающего экономическую литературу своими ценными трудами».⁴ Отзыв подписан лучшими представителями русской экономической мысли того времени: В. Э. Деном, М. И. Фридманом, А. А. Чупровым, В. Бернацким, В. Н. Твердохлебовым. Летом 1914 г. с научной целью посещает

сталеслесарные промыслы Нижегородской и Владимирской губерний, а также фабричные производства в Западной России (Ковно, Рига, Митава и др.).⁴

Во время первой мировой войны П. Б. Струве стал одним из руководителей созданного в помощь армии «Земского союза», возглавил Комитет по ограничению торговли неприятеля (Комитет блокады) и был назначен членом Особого совещания по продовольствию, оставаясь профессором Политехнического института.

Показательна одна дискуссия на квартире Петра Бернгардовича в Сосновке в 1916 г. Обсуждался вопрос об отношении к войне, ее смыслу и «оправданию». Привлеченный Струве к сотрудничеству в «Русской мысли» за интересные, «еретические» для обычного «интеллигентского» миропонимания, мысли о национализме, национальном чувстве малоизвестный ныне писатель-философ Д. Муретов защищал теорию о сверхэтическом оправдании национализма. Он считал национализм самодовлеющей ценностью в жизни человека, находящуюся «по ту сторону добра и зла». Сам П. Б. Струве сформулировал свою позицию так: «Я не испытываю ни малейшей ненависти к немцам и именно в этом ощущаю свою патриотическую силу». Не разделяя позиции Д. Муретова и даже полностью расходясь с ним по очень многим вопросам, Струве-редактор ценил в нем талант и проявления оригинальной мысли. Он обладал редким даром поощрять и привлекать к сотрудничеству в журнале самых разных, но обязательно талантливых людей.

П. Б. Струве беспокоила судьба России. Тот же Муретов, как человек крайне правых убеждений, заметил, что империя невозможна без императора, а потому его имя должно уважаться даже в частных беседах. Петр Бернгардович возразил с необычной горячностью: «Вы правы, но только за исключением одного случая, когда сам император изменяет своему долгу быть вождем Империи»⁵. Струве был страстным государственным и превыше всего ставил долг гражданина по отношению к своей стране

Осенью 1916 г. Петр Бернгардович созвал на своей квартире частное совещание членов Экономического отделения Института, где внес предложение учредить штатную кафедру философии и на ее за-

ведование выдвинул кандидатуру С. Л. Франка как единственного русского философа, обладающего соответствующим образованием в области общественных наук. Он считал необходимым расширить научный горизонт студентов-экономистов солидной философской подготовкой. Предложение было отклонено, большинство членов отделения не имели никакого интереса к философии, для них более важным было открытие новых специальных кафедр.

В 1917 г. Струве предложил реформировать Экономическое отделение — первую высшую экономическую школу России, которая, с его точки зрения, имела научный характер. Его проект был продуман и соответствовал мировоззрению автора. Он исходил из того, что «в хозяйственной и социальной жизни нашего времени регулирование отношений властью получает все большее значение», что «в ближайшем будущем в новой России» развитие органов государственной власти и местного самоуправления, перед которыми открываются «безграничные возможности», сильно пойдет вперед. Поэтому Струве хотел продвинуть и развить Отделение, упрочить тот принципиальный путь, по которому оно изначально исторически развивалось, «извлекая отсюда все необходимые выводы», а не просто вернуться к первоначальному плану, как это предлагал А. С. Пос-ников. По проекту Петра Бернгардовича со второго курса экономический факультет должен был иметь два отделения — государственное и экономическое.⁸ Этим разделением и широким развитием альтернативно-обязательных курсов предполагалось преодолеть многопредметность и многоэкзаменационность и добиться большего соответствия факультета своему предназначению в новых складывающихся условиях, когда потребность в экономически широко образованных государственных и муниципальных служащих стала наиболее актуальной.

Проект Струве встретил возражение многих профессоров,

появились другие проекты. В итоге созданная по этому поводу комиссия решила упразднить в качестве обязательных естественнонаучные и технические дисциплины и сократить юридические науки. Таким образом, возникла обязательная специализация и утрачивалось первоначальное своеобразие Отделения. Однако вопрос решен не был, а в 1918 г. перешел уже в совершенно иную плоскость. Разруха текущей учебной жизни все более усугублялась.

12 февраля 1917 г. П. Б. Струве в качестве докторской диссертации защищает небольшую по объему вторую часть работы «Хозяйство и цена» в провинциальном тогда Киевском университете. 13 мая его избирают действительным членом РАН по политической экономии и статистике. 11 июля этого же года утвержден министром торговли и промышленности России и на очередное пятилетие ординарным профессором Петроградского политехнического института одновременно с Н. Д. Зелинским и С. П. Тимошенко.⁵ Его творческая жизнь никогда не укладывалась в рамки только научной и преподавательской деятельности. Можно только предполагать, каких высот он мог бы достичь в своей научной деятельности, отдавшись ей целиком и безраздельно.

Политика также была его жизненной потребностью. С 17 апреля по 20 мая 1917 г. Струве работал в должности директора Экономического департамента МИД в правительстве П. Н. Милюкова, покинул этот пост вместе с отставкой последнего. Принимал участие в Московском совещании. Создал «Лигу защиты русской культуры». Это его последняя в России общественная акция — попытка оградить русские культурные ценности от надвигавшегося хаоса в государственном режиме.

В ноябре 1917 г. П. Б. Струве покинул Петроград и, как оказалось, навсегда. Во время своей длительной второй эмиграции он возвращался к преподавательской и научной работе, но это было уже не то, чем занимался он в Политехническом институте, о котором всегда вспоминал с благодарностью и волнением.

В обширной профессорской квартире на территории Петроградского политехнического института, предоставленной ему в 1916 г.,

осталась его любимая библиотека, которая обрела свое пристанище именно в Политехническом институте. Надо сказать, что сам факт существования этой библиотеки медленно воспринимается научной общественностью, воспитанной без обращения к ней как источнику. Более того, небольшая, но а priori любопытная часть ее, по имеющимся сведениям попавшая в РЫБ, до сих пор не выявлена. Библиотека, конечно, пострадала и понесла потери, однако все книги снабжены аккуратным штемпельным экслибрисом с указанием нумерации, позволяющей оценить ее численность в 13 500 томов. Из них в Политехническом институте сохранилось около 9000 книг, в том числе около третьей части книг — на русском языке, остальные — на общеупотребительных европейских языках: немецком, французском, английском; значительная часть книг — на латыни и греческом; были книги и на польском языке. Примерно 2000 книг из приведенного количества вошло в огромный фонд библиотеки. В протоколах Ученого совета института есть запись от 1952 г.: «...лежат неразобранными 10000 томов библиотеки Струве». Конечно, все оценки достаточно приблизительны. Тем не менее основная часть собрания хранится в Политехническом институте. На протяжении долгих десятилетий она была скрыта от исследователей, размещалась в отдельном служебном помещении Фундаментальной библиотеки и только в конце 70-х г. была каталогизирована. Для истории культуры библиотека Петра Бернгардовича Струве в 80-е гг. «нашлась».⁹ Струве создавал свою библиотеку на протяжении всей жизни, и она была для него творческой лабораторией, необходимым инструментом мыслителя-ученого, каким он был по своей сути. Она была его полновластным творением и особым, закрытым для других миром.

Сегодня ближайшей задачей-минимумом являются создание полного каталога библиотеки П. Б. Струве с учетом всех возможных сохранившихся частей собрания и исследование маргиналий на имеющихся экземплярах. Биографы Струве, несомненно, нашли бы здесь немало интересных подробностей. Следовало бы реконструировать библиотеку и создать на ее основе мемориальный музей П. Б. Струве в Санкт-Петербургском техническом университете (нынешнее название Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого). Сегодня удалось установить адреса, по которым

проживал П. Б. Струве в Петербурге: Таврическая, 23 (1906); Лесное, Б. Спасская ул., д.5 (1906-1913); Нюстадская ул., д.6 (1913-1916); Лесное, Дорога в Сосновку, 2-й профессорский корпус (1916-1917). Пока же только установлена памятная доска на доме в Перми, где родился П. Б. Струве. Очевидна актуальность и востребованность его трудов в нашей стране. Переиздаются его работы, защищаются диссертации с переоценкой его творческого наследия.

- ¹ *Франк С. Л.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова. 1956.
- ² Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 62.
- ³ *Пивоваров Ю.* Крестоносец русской свободы // Литературное обозрение. 1990, № 12.
- ⁴ ИДА. СПб. Ф. 3121. Оп. 12. Д. 673.
- ⁵ РГИА. Ф. 25 Оп. 1. Д. 5345.
- ⁶ СПб. Политехнический институт Имп. Петра Великого: Юбилейный сб., 1952.
- ⁷ СПб. Политехнический институт. Сб. № 2. Нью-Йорк; Париж, 1958.
Петров Е. Н. Очерк истории экономического факультета Политехнического института за 25 лет // Известия экономического факультета. Вып.1. 1928.
- ⁹ *Чепарухин В. В.* Искатель истины и его собрание // Библиотека. 1995. № 7.